

УДК 398.22

ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В ЭПИЧЕСКИХ ЖАНРАХ ФОЛЬКЛОРА НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Ф. А. Алиева

Институт языка, литературы и искусства им. Гамзата Цадасы ДНЦ РАН

В статье рассматриваются функции гиперболы как средства создания образа в различных эпических жанрах – в героическом эпосе, в героико-исторических песнях и сказках народов Дагестана.

Functions of the hyperbole as the image creating means in different epic genres such as heroic epos, heroic-historical songs and tales of Daghestan peoples, are analyzed in the article.

Ключевые слова: фольклор; художественный прием гиперболы; эпические жанры; сказки народов Дагестана.

Keywords: folklore; hyperbole; epic genres; tales of Daghestan peoples.

В системе художественных средств, используемых в ряде фольклорных жанров, важное место занимает гипербола. Гипербола – основное средство создания образа в эпических жанрах фольклора – в героическом эпосе и близких к нему героико-исторических и исторических песнях, основным содержанием которых является оборонительная борьба народа за свою национальную независимость. Гипербола в них в наибольшей степени соответствует задачам жанра – созданию героического образа, основные черты которого представляют их исключительно богатырскими. Это огромный рост, непомерная сила, способность одному одолевать большое количество врагов и т.д. Истоки этого образа, по всей вероятности, восходят к «существовавшей у многих кавказских народов великано-богатырской и эпической традиции, на основе которой и развивался героический нартский эпос» [1]. Основной способ их обрисовки – это гиперболизированное изображение героя, его действий.

В кумыкском героическом эпосе образ богатыря представлен образом нарта. Богатырю-нарту из кумыкской песни «стоит только сесть на своего коня-тулпара, как из под его копыт взвивается пыль, и стоит его «аргамаку лишь обогнуть стены, как враг испускает дух, будучи еще на расстоянии в один месяц...» [2].

В ногайском героическом эпосе один из таких богатырей – защитников народа – Эр-Таргыл. Он совершает подвиги, чтобы спасти свой народ от порабощения. В поэме «Эр-Таргыл» образ героя-богатыря раскрывается при помощи целой цепи подвигов. Чаще всего в описании богатыря подчеркиваются его боевые заслуги и качества. Вот как он характеризуется:

Семиаршинный рост имеющий,
Все с излишком имеющий,
Врага, напасть пришедшего,
Раздавить желание имеющий...

о богатыре Таргыле:

Когда бил своего врага
Блеять, как ягненок, заставивший...,
У врага вызывающий разрыв сердца,
Без мести его не оставлявший –
Это Таргыл, сын Эспара [3].

В эпосе часто дается гиперболизированное описание битв, противоборства, их масштабности. Вражеские войска настолько огромны, что их невозможно сосчитать. В эпических песнях врагов такое количество, что они подобны «туману, наполнившему ущелье», а множество пуль, выпущенных в них, «подобно дождю в тумане», ... врагов столько, «сколько травы на земле», а обилие их знамен «цветам на земле подобно» («Кумухский Букмагомед» [4] – дарг.).

В лакской песне «Муртазали» враги, пришедшие в Дагестан, «на Турчидаге разбили столько шатров, сколько звезд на небе...» [5, с. 136]. От множества войск сотрясаются земля, горы, небо темнеет, отважные герои смело бросаются в неравный бой и до последних сил бьются с врагом. Герой как «лев вступает в бой», как «сокол проникает в ущелье», «в каждом бою по триста неверных уничтожает» («С саблей в руках вступивший в бой Хаджи-Мурат» [6] – дарг.).

Образцом героической обрисовки средствами гиперболы могут служить образы женщин-воительниц героического эпоса, созданные в героико-эпических традициях: героиня из кумыкского «Йыра о Карткожаке» [7] настолько сильна, что одна побеждает целое войско, и Карткожаку уже из ее поведения становится ясно, что перед ним настоящий воин; Максуман сильнее своих сорока братьев-нартов; в «Сказании о битве при Анжи» также показан решительный характер девушки Айкыз, которая сумела тайными тропами вывести в безопасное место уцелевших после битвы людей, а потом броситься со скалы в пропасть, увлекая за собой предателя Темиша.

Образы богатырш фигурируют и в ногайском эпосе. Об одной из них, нежной, но мужественной девушке Янбийкеш, повествует поэма «Елкилдек батыр» [8]. В ней рассказывается о том, как старый и бедный Янай горюет, что у него нет сына-батыра, который мог бы отправиться на войну с грозным врагом. Вдруг поднимается его дочь Янбийкеш и решительно надевает доспехи. Мужественно сражаясь, она встречает достойного жениха Елкилдека.

Одной из главных особенностей поэмы «Эр Копланлы» является то, что здесь наряду с образом батыра Копланлы выведен образ его жены Карлыгали – любящей, сознательной и действующей наравне с героем.

В ногайском героическом эпосе особое место отведено женам батыров. Они играют немаловажную роль в событиях, выступая то в роли помощника батыра, то в роли его вдохновительницы. Иногда женщина сама является богатыршей. В поэме «Эр Таргыл» такой образ – Ак-Юнус, которая выступает в роли друга и соратницы батыра Таргыла. В эпосе «Эр-Таргыл» фактическим победителем грозного богатыря Карт-Кожак является Ак-Юнус, Карт-Кожак оказался побежденным в словесном поединке с девушкой Ак-Юнус. Девушка, как верный помощник Таргыла, сумела отвести от себя притязания Карт-Кожак [8]. Янбийкеш, Ак-Юнус – героини, своими героическими действиями напоминающие Максуман и Парту Патиму из лакской песни «Парту Патима» [9].

Галерею образов женщин-воительниц дополняет и героиня Бике из «Сказания о Бике» [10] (дарг.). О ее принадлежности к богатырским девам говорит и то, что она садится на коня «бидев» и, переодевшись в мужскую одежду, с оружием в руках побеждает врага. Заметим, что мотив переодевания женщин в мужскую одежду присутствует и в преданиях и в сказочных сюжетах. Образами древних богатырских дев навеяны и героини в песнях «Каплан, сын Арслана», «Сестра Сулеймана», «Бук-Магомед» [10] (дарг.). Как и Максуман из кумыкской героической песни, сестра героя песни «Каплан, сын Арслана» уничтожает бесчисленное количество врагов, а возлюбленная Бук-Магомеда «мгновенно явилась, направив винтовку на семерых солдат, наполнила их печень пулями, за семью воротами нашла в цепях своего возлюбленного, цепи разорвала, потом села на коня и ускакала в село» [10].

Мотив женщины-воительницы лежит и в основе сказок, преданий, в частности, в аварской сказке «Девушка-царь» [11], в преданиях: лезгинском – «Отважная Чамту» [12], даргинском – «Ашура харбукская» [13] и др. Сюжет аварской сказки разворачивается в традициях сказочного повествования: слепому царю для исцеления понадобились плоды из сада девушки-царя, на поиски которых отправляются его три сына. И девушка-царь, снарядив огромное войско, переодевшись в мужскую одежду, идет биться к хану, требуя выдать похитителя плодов ее сада. В даргинском предании вражескому отряду противостоит храбрая девушка Ашура. Вражеское войско по узкой тропе приблизилось к с. Харбук. Ашура, взобравшись на возвышенное место, чтобы выиграть время до прихода помощи, стала сбрасывать на проходящих по нижней дороге неприятелей большие валуны и истребила передовую часть отряда. Враги, отступив, послали наверх своего человека, и каково же было их удивление, когда они увидели юную девушку! Они схватили ее и изрубили на куски.

Целый ряд героических и героико-исторических песен, при их тенденции к реалистичности, традиционно развивают героическую тему. «Эстетика героического в исторической песне, – пишет А.А. Ахлаков, – целиком основывается на прославлении воинской доблести, на воспевании физической силы, боевой отваги и находчивости» [14]. Изображая конкретные исторические события, продолжая и развивая традиции героического эпоса в описании борьбы, битв, они используют предельную гиперболизацию подвигов, богатырской силы героев. И характерно, что идеализация героя, его прославление как защитника родной земли в героико-исторических песнях достигается не только преувеличением его силы и мощи, описанием

степени тяжести борьбы. Наряду с гиперболизацией, средства создания образа героя, изображение его боевых действий обогащаются и приемами образных эпитетов, метафоры, сравнений. В песне о «Пленении Шамиля» [15] (дарг.) возвышенно идеализируется образ героя: Шамиль наделен чертами богатыря, он из «огня выходит невредимым, его не могут сломить царские пушки». В песне об «Истреблении каджар» [16] (авар.) «молодцы рубятся» «в железных кольчугах» стальными саблями, такими меткими кремневками, «что и птице они выбьют глаз, бьются, пока «на лезвии не сгустится кровь», пока «на дулах кремневки не застелется дым...», а герой песни «Кази Ашильтинский» (авар.) называется «богатырем» за то, что им

В море был брошен Зульфугар* стальной
 Все живое погибло от того меча
 И Кази-богатырь, истребив Каджара,
 Изменил окраску той Самур-реки...» [17].

Стремление воспроизвести воинскую сноровку, мужество и бесстрашие горцев ощущается и в песнях «О разгроме Надир-шаха» [17] (авар.), «Муртазали» [18] (лак.). Гипербола в них способствует показу смелости горцев и грандиозности их боевых действий: они так рубят врагов, что «кровью текут реки», «гул стоит в долинах горных». Каплан в балладе «Каплан, сын Арслана» так ловко владел ружьем, что «вражья банда развеялась, как пшено».

«Целый ряд особенностей «Йыра об Абдуле», – пишет А.М. Аджиев, – сближает его с героическим эпосом. Основной пафос его – героический. В этой песне налицо элементы идеализации героя, выражающиеся в гиперболизации подвигов богатыря. Например, вот как изображается герой в момент борьбы: юный и к тому же больной Абдулла «пролил много крови, почти до самых стремян», «порубил голов полные уцелья» и победил захватчиков [19]. Гиперболизирован и образ Эльдаруша в «Йыре об Эльдаруше»: он один одерживает верх над Бектемиром и его 40 нукерами.

К принципам обрисовки героев и их подвигов в эпической поэзии близки и средства создания образа Шарвили в цикле богатырских сказок. Основной способ здесь – также гипербола. «Гипербола, – пишет А.М. Ганиева, – ни в одном жанре фольклора не употребляется так широко, как тогда, когда речь идет о Шарвили» [20].

С Шарвили связан мотив чудесного зачатия (от мухи, от дуновения ветра и т.д.) и чудесного роста: он родился с зубами, необычайно быстро рос, сегодня выглядел не так, как вчера, а завтра – не таким, как сегодня; месячным ребенком ходил, а когда ему исполнился год, он уже побеждал богатырей (сравним с нартской сказкой кумыков «Аюв-Али», где Аюв-Али вырастает за неделю, как другие за месяц, а за месяц – как другие за год).

Гиперболизация роста героя, подобная росту Шарвили, Аюв-Али – мальчика-богатыря, приводится и в сказке «Белая голубка» [21] (авар.). В ней чудеснорожденный ребенок растет не по дням, а по часам. За месяц он вырастает настолько, что становится похожим на годовалого, в пять месяцев – на пятилетнего, а когда ему исполнилось десять лет, он оказался совсем взрослым юношей. Подобное описание роста будущего богатыря находим и в бурятских улигерах, где его чудесный рост определяется подобной же типической формулой: «Через сутки становится как годовалый мальчик, через трое суток – как трехлетний мальчик, через четверо суток – как четырехлетний». И в якутском олонхо о чудесном росте героя говорится так: «Мальчик рос так быстро, что «через сутки стал годовалым ребенком, на третьи сутки – трехлетним» [22].

Богатырь Шарвили имел и колоссальную силу: он мог расцедь скалу мечом, вытаскивал с корнем огромные деревья, бросал в врагов большие камни. Он всегда одерживал победу благодаря своей необычайной богатырской силе и мощи. Вот как описывается степень его силы: «...Каждая рука имела силу, которая могла побороть семь богатырей. Каждая нога могла остановить сорок лошадей. Насчет ума ему подобных не было ни в Лезгинии, ни в Шеки, ни в Ширване, также в Грузии. Тело как у нарта! Врагов уничтожал как мух...» [23].

Ясно, что такой гиперболизированный образ богатыря в художественном сознании ассоциируется с обобщенным образом народного героя, его представлениями о идеальном героическом защитнике.

Гипербола – характерный прием и многих волшебных сказок. Вместе с тем использование гиперболы в волшебных сказках имеет свои особенности. Они обусловлены «многослойностью» жанра, наличием в ней пластов, порожденных действительностью разных эпох. Так, гипербола в волшебных сказках с архаическими элементами, причисляемые Е.А. Тудоров-

* Зульфугар – легендарный меч пророка Мухаммеда.

ской к более ранним формам, наиболее приближена к гиперболе героического эпоса. В таких сказках социального конфликта еще нет, и их основное содержание составляет борьба героя с фантастическими персонажами – чудовищами, драконами, аждахами, дэвами. На гиперболизации такой борьбы и построен ряд сказок героического содержания: «Чудеснорожденный богатырь» [24] (дарг.), «Медвежье ухо» [25] (авар.), «Семиаршинный богатырь Зулум Магома» [26] (лезг.), «Мать», «Нарт-Унсук», «Безносый всадник» [26] (лак.), «Мальчик-богатырь» [26] (ног.) и др. К примеру, сюжет волшебной сказки «Мать» (лак.) построен на гиперболизации подвига героя, который отправляется на поиски матери, похищенной злыми и темными силами природы. Здесь показательны эпизоды его столкновений с чудовищем. Он смело вступает в борьбу вначале с одноглавым аждахой, затем с четырех- и пятиглавыми и, наконец, одолев семиглавого аждаху, освобождает мать. Аналогичный способ изображения борьбы приводится и в сказке «Семиаршинный богатырь Зулум-Магома». Вначале здесь мы видим столкновение героя с трехглавым драконом, затем – с пятиглавым, а далее – с семиглавым. Причем, в описаниях каждой очередной схватки с чудовищем степень тяжести борьбы усиливается. Гиперболически изображен и сам герой. У него необычайный аппетит, он съел все чуреки, имеющиеся в доме, потом напек себе еще чуреков из двух мешков муки и их съел, поймал в соседнем дворе буйволена (который был для него, что капля воды для горячей жаровни), зарезал и сразу же съел. Он настолько силен, что когда собрал весь срубленный им лес, «то получилась такая гора дров, что закрыла солнечный свет..., а пятьсотпудовое копье, брошенное им на голову великана, отскочив вверх, словно молния, входит в землю пятьсот саженой...».

Герой кумыкской сказки «Кара-Батыр» одним ударом клинка раскалывает каменную глыбу, герой другой кумыкской сказки «Сорок юношей» [26] побеждает сразу сорок дэвов, а герой из ногайской сказки «Мальчик-богатырь», вступив в борьбу с карликом, ударил его один раз, и карлик вошел в землю по пояс, ударил во второй раз, в третий раз, и карлик весь ушел в землю...» [26]. Однотипны приведенным и описания борьбы в бурятских улигерах, где сила и мощь героя характеризуются таким же способом: герой бросает своих соперников так, что они до бедер, или по горло уходят в землю [27].

Итак, гиперболизированное изображение в героическом эпосе, в ряде героико-исторических и исторических песен, в архаических волшебных сказках героического содержания занимает значительное место; оно служит задаче идеализации положительных героев, которые на протяжении всего повествования совершают поступки, характеризующие их как борцов за справедливость, за торжество добра над злом. Вместе с тем общая направленность гиперболизации в эпосе и в сказке не исключает своеобразия ее проявления в каждом из жанров.

В героическом эпосе и в других жанрах эпической поэзии гипербола выступает как «прием сознательного поэтического преувеличения реальности» [28], основанный на отчетливо выраженной героичности, выработанной в течение веков и обусловленный конкретными историческими условиями, тогда как в сказочном сюжете в силу ее жанровой специфики герою в его подвигах часто помогают вымышленные обстоятельства. Гипербола же в сказке выступает в функции художественного приема; ее характер и содержание обусловлены ее качественно новым выражением. В названных сказках гиперболизируются и сама схватка героя с чудовищем, и его внешний вид, и степень тяжести борьбы и качества самого героя, и все эти виды гиперболы выражают идею превосходства героя над фантастическим персонажем, осознание его силы в этой борьбе. «Гиперболизм в изображении силы героя волшебной сказки, – пишет Л.Г. Бараг, – является своеобразным выражением веры в торжество этого героя над враждебными ему темными силами. Сказочная фантастика порождена стремлением возвысить человека над реальностью сегодняшнего дня. Гипербола и является художественным средством претворения реального в фантастическое» [29].

Во многих сказках в самый решающий момент сражения героя с врагами на помощь ему приходят его верные помощники-друзья (звери, волшебные предметы и т.д.). Например, в сказке «Три брата» [30] герой выскочил на середину поля, в самую гущу вражеского войска, взяв с собой собаку и орленка на плече. И в нужную минуту они пришли ему на помощь. Герою помогают и волшебные предметы: палки, перья, кольца, платки и т.д. В сказках особенно распространен мотив помощи волос, шерсти, перьев животных: стоит только вырвать один волос у коня и сжечь его («Три сына царя» – дарг.), как он тут же оказывается рядом с героем. В сказках «Клюка», «Ну-ка, палки» [31] (авар.) волшебные палки в нужную минуту выскакивают из мешка и наказывают обидчиков героя. Аналогично разворачиваются действия во многих волшебных сказках феодального периода: «Морской конь» [31] (авар.), «Синяя птица» [32], «Юноша и аждаха» [33] (дарг.), «О чудесной птице» [34] (кум.). Таких примеров, где герой с трудом, преодолев многочисленные препятствия, (или с легкостью) побеждает своего противника, можно привести множество. Все это говорит о том, что длительный пери-

од развития сказки, эволюция народного мировоззрения, отраженная в ней, обусловили ее наполнение новым содержанием. Переосмысливались образы, мотивы, конфликты. Фантастические персонажи, олицетворявшие грозные силы природы, стали воплощать социальные образы, и их изображение предстает уже в новом качестве. Они предельно глупы, смешны, нелепы, трусливы, а наделение их чертами конкретных социальных врагов придает им яркую сатирическую окраску.

Фантастические персонажи, олицетворяющие социальные силы, владеют несметными богатствами («Сулейман и циклоп», «Сунуна», «Денги и Чупан» и др.). У них много добра, даже колышки в стене и те из золота. Так, змей-великан («Сунуна» – лак.) владеет множеством табунов и стад, золотом, серебром; у циклопа в пещере было много всякого добра. Они алчны, кровожадны, жестоки, но при любых обстоятельствах герой одерживает над ними победу, потому что он находчив, ловок и умен. И по мере наполнения сказок социальными мотивами меняется характер и содержание гиперболы.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что и в эпосе и в сказке способы гиперболизации, как уже было отмечено, реализуются в соответствии со своей жанровой установкой. В героическом эпосе описание битвы, борьбы приобретает масштабы эпической гиперболизации, и каждая деталь выглядит значительной, а в сказке, генетически связанной с древними фольклорными традициями, введение в художественную систему гиперболы обусловлено ее жанровыми свойствами – фантастикой, волшебством, вымыслом. Здесь уместны наблюдения В.П. Аникина, который, характеризуя гиперболизм сказки, писал следующее: «Сказка обнаруживает общую предрасположенность своего вымысла к гиперболе, как диспропорциональному воспроизведению действительности вследствие своего общежанрового свойства. Гипербола и здесь является составной частью важнейших сюжетных узлов, через которые раскрывается существо замысла. Исторически гиперболизм в составе важнейших эпизодов сказки возникал как форма воплощения представлений о чрезмерности атрибутов и общей необычности воображаемого мира. Формы некоторых наиболее древних сказочных гипербол вынесены традицией из доисторических свойств мифологического сознания, формы других – из обрядово-магических понятий, а большая часть гипербол – результат свободной и творческой игры воображения» [35].

Такую своеобразную стихию «творческой игры воображения» наглядно демонстрируют многие юмористические сказки, и среди них особенно показателен сюжет о мнимом богатыре, бытующем в различных вариантах и версиях у многих народов Дагестана («Богатырь Назнай» [36] – авар., «Злой бываю – сорок убиваю» [37] – дарг. и др.). Например, в сказке «Богатырь Назнай» изображение царя предельно занижено, оглувлено, и чтобы еще больше подчеркнуть эти качества отрицательного персонажа, сказка вначале наделяет своего положительного героя кажущейся трусостью, показывая его чрезмерно жалким и смешным: «...Сам он был паршивый и придурковатый. Когда нужно было идти вперед, он плелся сзади, когда нужно было идти позади, он совался вперед, стоило жене поднять дубинку, как он прятался за дверь. Такой он был храбрый! Но, убив одним ударом пятьсот мух, герой воображает себя богатырем, слава о котором доходит до царя и его визиря. Однако на деле «богатырь» Назнай оказывается всего лишь ловким и изворотливым героем, сумевшим всевозможными проделками одурачить хана, который в силу своей сказочно преувеличенной глупости и ограниченности не разглядел его истинного лица, за что и поплатился. В сказке показано гипертрофированное изображение мнимой храбрости, которая перерастает в пародию благодаря таким средствам, как комедийная сцена «убийства мух» (сразу пятьсот), «авторских» реплик («Вот такой он был храбрый!»), иронического прозвища «богатырь» и т.д.

Сказочная гипербола – художественный прием, отвечающий жанровой природе самой сказки. Сущность ее в том, что посредством нее подчеркивается необычность героя, его необыкновенность. Художественные «возможности» сказочной гиперболы функционально «шире» эпической, так как ей сопутствуют и такие средства, как повторы, контрасты, преувеличения, ретардации, также служащие сказочной эстетике.

Особенность гиперболы в сказках, отражающих социальные конфликты, обусловлена ее новым качеством, суть которой в том, что гиперболизация героя из сферы физической силы и мощи переходит в сферу моральных, нравственных устоев. Это подтверждает множество сюжетов социальной направленности (волшебные сказки с классовым конфликтом, бытовые сатирические сказки юмористического содержания). По выражению В.Я. Проппа, они содержат гиперболу «уничжительную», основанную на нарочитом осмеянии, осуждении отрицательных персонажей – представителей господствующих классов – в контрасте с положительными героями. Преувеличение во многих сказках доводится до неправдоподобных, фантастических объемов, до нелепостей и абсурда. Эта функция гиперболы наглядно прослеживается в остро-сатирических и юмористических сказках, основанных на обыгрывании типических черт от-

рицательных персонажей, на смещении понятий, приводимых к комизму положений и характеров.

Таким образом, рассматривая характер и функции гиперболы в героико-эпических и сказочных жанрах фольклоре, можно убедиться в том, что традиции гиперболизированного изображения, свойственные героическому эпосу, проявляются и в сказках, но уже в формах, соответствующих специфике и содержанию самого жанра.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Далгат У.Б.* Кавказские богатырские сказания древних циклов и эпос о нартах // Сказания о нартах – эпос народов Дагестана. М., 1969. С. 161.
2. *Аджиев А.М.* Нартский прозаический фольклор кумыков и его место в кавказской нартиаде // Дагестанская народная проза. Махачкала, 1982. С. 7.
3. *Сикалиев А.И.-М. (Шейхалиев).* Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С. 110.
4. Эпические песни даргинцев / предис., подгот. текстов, пер., коммент. *Ф.О. Абакаровой.* Махачкала, 2004. С. 62.
5. Лакские эпические песни / сост., авт. предисл., пер., коммент. *Х.М. Халилов.* Махачкала, 1969. С. 136.
6. Эпические песни даргинцев. С. 58.
7. Тексты и переводы («Йыр о Карт-Кожак» и «Сказание о битве при Анжи») предоставлены *А.М. Аджиевым.*
8. *Сикалиев А.И.-М. (Шейхалиев).* Указ. соч. С. 73, 77.
9. Лакские эпические песни. С. 125.
10. Эпические песни даргинцев. С. 353, 337.
11. *Магомедов Р.М.* Легенды и факты о Дагестане. Махачкала, 1969. С. 55, 56.
12. Аварские народные сказки / сост. *Д.М. Атаев.* М.: Наука, 1972. С. 121.
13. *Магомедов Р.М.* Даргинцы в дагестанском историческом процессе. 1999. Т. 1. С. 131.
14. *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981. С. 59.
15. Эпические песни даргинцев. С. 50.
16. Героические песни и баллады аварцев / тексты, пер., предисл. и коммент. *А.А. Ахлакова.* Махачкала, 2003. С. 25.
17. Героические песни и баллады аварцев. С. 25, 45.
18. Лакские эпические песни. С. 133.
19. Традиционный фольклор народов Дагестана. М.: Наука, 1991. С. 47.
20. *Ганиева А.М.* В поисках легендарного героя. Махачкала, 1984. С. 45.
21. Сказки народов Дагестана / сост. *Х.М. Халилов.* М.: Наука, 1965. С. 95; Даргинские сказки / пер., предисл. и прим. *М.-З. Османова.* М.: Наука, 1963.
22. *Бардаханова С.С.* Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск, 1992. С. 62.
23. *Ганиева А.М.* Указ. соч. С. 120.
24. Даргинские сказки // Рукоп. фонд ИЯЛИ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 256.
25. Аварские народные сказки. С. 89.
26. Сказки народов Дагестана. С. 62, 75, 87, 121, 138.
27. *Бардаханова С.С.* Указ. соч. С. 29.
28. *Аникин В.П.* Теория фольклорной традиции и ее значение для исторического исследования былин. М.: МГУ, 1980. С. 238.
29. *Бараг Л. Г.* Белорусские народные сказки // Славянский филологический сборник. Уфа, 1962. С. 371.
30. Зап. нами в 1980 г. в. Дегва Сергокалинского р-на от П. Абдуллаевой.
31. Аварские народные сказки. С. 90, 102.
32. Сказки народов Дагестана. С.105.
33. Зап. нами в 1980 г. в с. Дегва Сергокалинского р-на от П. Абдуллаевой.
34. Сказки народов Дагестана. С. 110.
35. *Аникин В. П.* Указ. соч. С. 239.
36. Аварские сказки / сост. *М. Саидов, У. Далгат.* М., 1965. С. 295.
37. Даргинские сказки / пер., предисл. и прим. *М.-З. Османова.* М.: Наука, 1963. С. 114.

Поступила в редакцию 24.12.2012 г.
Принята к печати 18.03.2014 г.